

СОБЛАЗНЫ ПОШЛОСТИ

Статья, предлагаемая вниманию читателей, написана в 1979 году. В то время, работая в Ленинградском университете, я вела, в частности, факультатив по советской поэзии. Студенты – интересные, умные молодые люди – предложили тему для обсуждения "Поэзия Андрея Вознесенского", принесли на занятие только что вышедший в свет его сборник "Соблазн". Большинство из них оказалось ярыми поклонниками творчества Вознесенского.

Мне книга "Соблазн" резко не понравилась, хотя я в юности, да и многие читатели 60-х годов, любили стихи этого поэта. Желая проверить свое представление о Вознесенском, я перечитала сборники:

Парабола. М. 1960

Треугольная груша. 1962

Антимиры. 1964

Ахиллесово сердце. 1966

Тень звука. 1970

Взгляд. 1972

Витражных дел мастер. 1976

Соблазн. 1978

Так, перечитывая, наблюдая поэзию А. Вознесенского в развитии, аргументируя свои доводы в споре с участниками студенческого кружка, я написала эту статью.

Подчеркиваю, хронологический обзор творчества Андрея Вознесенского не входил в мою задачу. И все же, открывая разговор, трудно не оглянуться на самое начало – эпоху появления "Параболы". Книга эта, несмотря на то, что тематически она почти не отличается от множества казенных, "комсомольских" сборников сразу привлека-

ла к себе внимание: и несомненной одаренностью автора, и своеобразием интонации. Что касается тем, то достаточно привести названия некоторых стихотворений: "Комсомол голосует", "Открытие ГЭС", "Вечер на стройке".

Будут города.

.....

Я, Вознесенский,

Воздвигну их.

.....

И завтра, ночью тряской

В 0.45

Я еду в Братскую,

Чтоб их осуществлять.

"Мастера"

Герой другого стихотворения – "Досье у костра" – иеговист, со всеми атрибутами "отрицательности":

Щетина, как лишайник,

Сползает по щекам.

Упруги щечки пресные,

Как пара ягодиц.

Он исповедуется:

Мы поколение лишнее,

Мы маски без лица.

В любви мы знаем лифчики

И никогда – сердца.

В эпоху изотопов,

Реакторов, пластмасс

Я, человек, затоптан.

Я – мразь. А вы про Марс...

Любопытно, что с этой исповедью впоследствии сольется голос самого поэта:

Все прогрессы реакционны,

Если рушится человек.

Но это позже. А пока комсомолка воздаст иеговисту должное:

А Лялька, Лялька, Лялька! –

Ой, сатана!

Ему рюкзачной лямкой

По роже: "На! На!"

.....

О, как она хлестала!..

Как видите, герои Вознесенского живут активно и других понуждают к активности.

Монаху /тихотворение "Загорская лавра"/ поэт советует обратиться к радостям жизни:

Эз, вприсядку,
Чтоб пятки — в небеса!
Уж больно девки падки
На синие глаза.

Но монашка не соблазняет эти чудные картины, и стихотворение завершается драматически:

И колокол по парню
Гудит окрест.
Крест — на реш^етке.
На жизни — крест.

Но не этими расхожими пошлостями привлеч тогда поэт внимание читателя. В книге пробивался другой голос и темы — живые, о которых замалчивалось. "Потерянное" поколение, битое всеми ляльками в морду, нашло на странице слова о себе:

Стоишь — зрачки пустые.
На блузке видит взгляд
Всю дактилоскопию
Малаховских ребят.
Но, может быть, поэзия
Действительно сильнее,
Чем бритвенные лезвия,
Чем выпивка парней?

И — вместо морали с мордобитием, обязательной по канону: таких парней один-два по подворотням, а вокруг прорва широкоплечих симпатичных ребят с трудовыми мозолями и прекрасными идеалами — в конце стихотворения:

Ты чище Беатриче
Сбегаешь на перрон.

Сказать чуть-чуть поправднее, попохожее на жизнь — это ошеломляло! Время отменяло школьные прописи для слепоглухонемых, несметными тиражами выходившие в художественных издательствах. Москвичи: Евтушенко, Рождественский, Вознесенский, Ахмадулина и другие — почувствовали это рано и заговорили сообразно с этим

новым временем. Тогда казалось — они его открыли и завоевали. Страна бредила стихами. Не была еще известна широкому читателю не поэзия Пастернака, Заболоцкого, Ахматовой, Цветаевой, Мандельштама, целая литература муровалась по "спецхранам". А эти юноши были даровиты, отважны, напористы; им был открыт "путь славный, имя громкое народного заступника", но — чудо! — без "чахотки и Сибири"! Они "попали в случай".

Двадцать лет пути пройдено без помех, и можно уже подвести некоторые итоги. Если говорить о Вознесенском, то бесспорным ~~нр~~ представляется, по крайней мере, одно: с самого начала творческого пути он — больше, чем кто-либо другой из современников — воспринимался и воспринимается читателями и критикой как модернист, новатор. Быть новатором, каждый раз поражать каким-нибудь новым приемом — его привилегия.

ВОЗНЕСЕНСКИЙ 2- НОВАТОР

Что же является новаторским в его творчестве? Первое, что обращает на себя внимание, это обилие звуковых эффектов в стихах, ассонансы и ~~жал~~литерации:

Жил огненно-рыжий художник Гоген.

.....

Мимо ярмарок, где ярки яйца, кружки, караси,
По собольей, по соборной, по оборванной Руси...

и так далее.

Поэту владеть стихией звука необходимо. Но тут его подстерегают и известного рода опасности. Ведь если забыть, что звук — лишь средство выразительности, если погоня за звуковыми эффектами становится для поэта самоцелью, это с неизбежностью влечет за собой легковесность образа и просто бессмыслицу. Вознесенский не избежал этой опасности. Образ у него то и дело возникает из звуковой ассоциации. И нередко такой образ мелок, неубедителен или просто противоречит смыслу:

С обмолвки началась религия.

Эпоха — с мига.

И микроусик гитлеризма

в быту подмигивал.

Микробрижит, микрорадищев

и микрогегель...

Милльон поэтов, не родившихся от анти-бэби.

"Доктор Осень"

О чем это? По всем приметам, здесь должна быть заключена некая философская обобщающая мысль – о происхождении религии, социальных явлений – и все же либо ее нет, либо она неуловимо-легковесна. Брезжит, дребезжит – а непонятно.

Многозначительные и пафосные пустоты заполняют стихотворение:

И внезапно, как слон,
В нас проснется дубаяя,
Очарованный звон
Чрезвычайного Часа.
Час – что сверит грудклетку
С гласом неба и Леты,
Час набатом знобящим,
Как "Не лепо ли бяше..."

"Доктор Осень"

"Очарованный звон" – дубасит, как слон. Какая мешанина разностильных слов! Это не принцип, это беда поэта – пренебрежение к стилистике. Слова разных стилистических уровней смешиваются, и это ничем не оправдано. Соседствуют: вульгаризмы, жаргонизмы и аббревиатура /дубаяя, грудклетка/, "высокий стиль" /глас, Лета, набат/ и архаика /"не лепо ли ны бяше"/. Подобная стилистическая окрошка – принцип народии.

Звук влечет вопреки смыслу, и являются образы:

Что запомнят сизы Сизифы,
Возраст покидая допризывный...

"Автолитография"

или Воланд, срежьте со шляпы воланы!
 Поешьте лагерную баланду!"

"Гамбург-ретро"

"Сизы Сизифы", "воланы Воланда"... Воланы, как известно, бывают на рукавах и подолах женских платьев – но не на шляпах. Не Вознесенский владеет языком, а хаотический шум захлестывает его. И, заметим, этот ораторский пафос – у человека "с кашей во рту"! Воланы с баландой...

Помимо полководца ассонансов, аллитераций, помимо стилистической эклектики еще одна примета "новаторства" А. Вознесенского – обилие авторских неологизмов в его стихах. Наряду с удачами:

"осенябри", "наикачаемый из миров" и рядом других – в значительной своей части неологизмы поэта вызывают сомнение. Вот, например, новые определения "языков":

У, лебезенок школьника, словно промокашка с
лиловой кляксой...

У, Язун с жемчужной сыпью – как расшитая бисером
византийская спальная туфелька.

У, изящный музычок певички и прилипшим к нему,
что черная пружинка волоском,

У, лизоблуды...

У одного язвило набухло, словно лиловая картофе-
лина...

Ядило этот был короче других языков...

Мимо черт нес в ад двух критиков, взяв их, как
зайца за уши, за их ядовитые язоилы.

"Языки"

Поэту явно изменяет чувство вкуса. Не только топорно-сатирические новообразования, но и трогательный "лебезенок" /у русского читателя неминуемо вызывающий ассоциацию "лебезить, Лебезятников – слово с четкой негативной окраской, использованное Достоевским/, и "музычок с волоском" кажутся безвкусицей, не говоря уж о вызывающем дрожь "Язуне с жемчужной сыпью". А ведь, судя по контексту, у автора не было в мыслях опорочить школьника и певичку. Он просто ищет новые, более выразительные слова. И хоть, если верить Вознесенскому, понесут его критиков в ад "за язоилы", осмелюсь утверждать – находит далеко не лучшие. Невольно вспоминаются многочисленные попытки словотворчества Игоря Северянина, где бывали подобные неудачи.

Наряду с неологизмами, обилием жаргонизмов отметим еще одну любопытную тенденцию поэта-модерниста: это разрушение – в поисках выразительности – просторечных идиоматических выражений. Вознесенский как бы переводит известные устойчивые словосочетания с русского языка на какой-то иной, калькирует их:

Последние минуты короче...

Килограммы сыграют в коробочку...

"Живите не в пространстве, а во
времени"

Это выражение, очевидно, искаженное "сыграть в ящик". Но, словно при неточном переводе, выражение теряет смысл.

И Блок в гробовой рубахе

Уже стоял у порога...

"Когда написал он Вяземскому"

"Гробовая рубаха" – производное от "смертной рубахи", "деревянного бушлата" и "гробовой доски". Но искаженное выражение кажется абсурдным. Что это за стояние "в гробовой рубахе"? Ученичеством и претенциозностью веет от "формальных" поисков под неблагозвучным, самодельным названием "изопы", вроде такого:

Ч А Й К И Б О Г А
П Л А В К

И сам этот образ представляется мне неточным и пошлым. А нечуткость к стилистической окраске слова, о которой уже говорилось, приводит к казусам такого рода:

Как сжались ямочки в тазу!

"Стрела в стене"

Этот медицинский термин никак не обусловлен контекстом стихотворения. Вообще отношения со словом у Вознесенского складываются худо из-за нечуткости к оттенкам значения: например, стихотворение "Мелодия Кирилла и Мефодия" заканчивалось строчками:

"Б" вдаль из-под ладони загляделася,

Как богоматерь, ждущая младенца.

Двузначность слова "ждать" порождает неточный образ, где путаются значения: ждать кого-то, глядя вдаль, и "ждать ребенка". Нельзя по-русски сказать и:

Вдоль дороги стояли роци

И дрожали, как бег трусцой.

"Как сжимается сердце дрожью"

Еще одна составляющая стиля Вознесенского – канцеляризмы. Они привлекаются отнюдь не для стилизации, это способ выражения чувств и мыслей. Оттого стихи приобретают какое-то суконное косяноязычие:

Вы мне читаете, притворщик,

Свои стихи в порядке бреда.

Вы режиссер, Юрий Петрович,

Но я люблю Вас как поэта.

.....

Не сберегли мы наши лица.

Для драки требуются морды.

Все эти "требуются морды", " в порядке бреда", "люблю как поэта" напоминают известную формулу: "я тебе нравлюсь как женщина или как человек"?

Несколько слов об образной системе А. Вознесенского. Я уже говорила, что зачастую образ порожден в его поэзии звуковой ассоциацией. Но есть еще один способ "делать стих". Приведем два законченных стихотворения:

Озеро отдыха возле Орехова.
Гордо уставлена водная гладь:
В гипсовых бюстах — кто только приехал,
В бронзовых бюстах — кому уезжать.
.....
Выгнувши шею назад осторожно,
Сразу готовая наутек,
Утка блеснула на лунной дрожке —
С черною ручкою утюжок.

Оба они — лишь внешнее первое впечатление, зрительное сравнение, не обремененное глубиной смысла. Вознесенский умеет интересно увидеть, но ведь русская поэзия — не автомат моментального фотоснимка. Ограничиться одной интересной находкой, сравнением простительно юным поэтам, еще не умеющим мыслить в стихе, обучающимся на первых порах называть, определять образ. Конечно, жанр "зарисовки" имеет право на существование, но где грань между зарисовкой и обрывком, парой черновых строк, помещенных в книгу нетребовательным поэтом?

Выйдешь —
Дивно!..
Свитязь
Видно.

"Ночь"

Это сочинение тоже рекомендуется в качестве законченного стиха.

Мир сравнений и метафор Вознесенского ограничен. Все явления мира в его поэзии по возможности соотносятся с предметами городского обихода: утка — с утюгом, чайки — с плавками, солнце — со сковородкой /"Футбольное"/, совы — с телефонными аппаратами:

...совы матовые,
Свидетельницы Батория,
как телефоны-автоматы

вневедомственной категории.

"Ода дубу"

а лисья морда — с пером авторучки:

вспыхивает мордочка лисички,
точно вечное перо.

"Жадным взором василиска"

Мироощущение поэта — своего рода наступление носителя технократической цивилизации на живой органический мир, "разрушение окружающей среды" образными средствами. Дерзая в поисках выразительности, Вознесенский рискует. Например, в его стихотворении "Рукопись" есть такой "портрет" Игоря Северянина:

Лицо в морщинах
Таких глубоких,
что усмехаясь,
он мух давил.

"Рукопись"

Подобные метафоры, как и в случае с "язынами", вызывают легкий шок. А ведь, судя по тексту, поэт никак этого не хотел. Когда же Вознесенский нарочито старается "шокировать", его пощечины общественному вкусу куда менее удачны, они отдают детской бравадой. А "пощечины общественному вкусу" неизбежны для А. Вознесенского, ведь он считает себя продолжателем традиции Маяковского:

Вам Маяковский что-то должен.

Я отдаю.

Вы извините — он не дожил.

Правда, тут же выясняется, что поэт много за кого может "заплатить":

Определяет жизнь мою
платить за Лермонтова, Лорку
по нескончаемому долгу.

"Записка Е. Яницкой, бывшей машинистке Маяковского".

Но поэтическая его "родословная" все-таки восходит именно от Маяковского. Это декларирует сам Вознесенский, подтверждают критики и среди них такой авторитет в "маяковсковедении", как Н. Асеев: "Родственность Вознесенского Маяковскому несомненна. И не только в необычном строе стиха — она в оодержании, в глубокой ранимости впечатлениями." /сб. "Ахиллесово средце", с. 259/.

Связь между этими поэтами, несомненно, существует, но мне она представляется скорее такой: Вознесенский невольно пародирует Маяковского. В частности, Маяковский явления частной человеческой жизни возводит в масштаб космического, Вознесенский же явления большого, вечного мира низводит в своей образной системе до примет быта современного горожанина. Стихия Маяковского — публицистическая поэзия, излюбленные жанры Вознесенского — "жесточкий романс", миниатюра-зарисовка, лирическое послание.

Вернемся к "шокирующим", эпатажным моментам в лирике А. Вознесенского. Маяковский в этом смысле автор непревзойденный. Достаточно вспомнить знаменитое: "Я люблю смотреть, как умирают дети" и т.д. Но наш поэт, в отличие от предшественника, вполне невинен. Эпатируя, он упорно сравнивает всё — с принадлежностями клозета:

Боги имеют баки —
Висят на башке пускай,
Как ручка над верхним баком,
Воду чтобы спускать.
Не дергайте их, однако.

"Фиалки"

Порой горшки с унитазами выглядят даже по-своему поэтично:

Мотоциклисты в белых шлемах,
Как дьяволы в ночных горшках.

.....

Шорты белые внатяжку
На телах как шоколад,
Как литые унитаза
В темном воздухе парят.

"Ах, небо как море"

Как видите, все скромно и пристойно. В самом крайнем случае можно в азарте рифмовать: "холуя — на фига", "раскroy-а на фига". Но вообще, там, где поэт хочет наплевать на сдержанность и приличия, стать над моралью, он необычайно сдержан и от этой самой морали — ни на шаг. Нет, не похож он на буйного предшественника — Маяковского, не похож, сколько бы не рифмовал в сатирических стихотворениях "холуя" и "на фига".

"Секвойя Ленина?!"

Как взрыв!

Шериф, ширинку не прикрыв,
Как пудель с красным языком,
Ввалился к мэру на прием.
"Мой мэр, крамола наяву.
Корнями тянется в Москву...
У!..."
Мэр съел сигару. Караул!
В Миссисипи сиганул!

"Секвойя Ленина"

Выполнено на канонах сатирической "агитки" Маяковского и Демьяна Бедного. И выглядит безнадежно устарелым. Агитационный фарс, возможно, убеждал читателя давних лет, да и создавали его люди масштаба Маяковского. Но мы уже так перекормлены упражнениями подобного рода, по большей части бездарными, что сотая производная, созданная Вознесенским по старым рецептам, не убеждает. И "неприкрытая ширинка" шерифа – выражение, созданное из "прикрыть срам" и "застегнуть ширинку" – воспринимается не как разоблачение классового врага, а просто как непристойность. А история с мэром печально напоминает "Мойдодыр". Традицию сатиры Вознесенского я бы представила в такой последовательности: Маяковский – Чуковский /детский/ – Вознесенский. Так же обстоит дело и преемника Маяковского и в публицистической лирике:

Я не люблю а-ля русских выжит,
Эклектический их словарь.
Обожаю чай. Ненавижу
Электрический самовар.

"Рецензия на сб. В.Бокова"

Помните, конечно: "Ненавижу всяческую мертвечину! Обожаю всяческую жизнь!" Только на сей раз обожать будем чай, а ненавидеть электрический самовар! Вот она – способность Вознесенского во всех проявлениях жизни видеть аналоги мещанского быта.

Напоследок хочется немного сказать о философской лирике Андрея Вознесенского. Поэта, виртуозного в создании зрительного или чувственного образа, постигает плоское косноязычие, когда он начинает размышлять:

Почему два великих поэта,
Проповедника вечной любви,
Не мигают, как два пистолета?
Рифмы дружат, а люди – увь...

"Почему два великих поэта"

Не то, что два поэта, как два пистолета, но даже рифмы /"любви-войны - увы"/ не дружат. И глядит на нас автор с обложки, напряженно морща лоб.

Предпочтительнее мир чувств. И справедливо, что первая часть книги "Соблазн" озаглавлена: "Чувствую - стало быть существую"; значима эта замена декартова "Мыслю" на "чувствую". Впрочем, иногда кажется, что говоря о поэзии Вознесенского, точнее говорить о мире даже не чувств, а ощущений. Они просты: "жарко - холодно, приятно - неприятно, черное - белое, красивое - некрасивое" и т.д. Оттого и нет нужды в сложной метафоре, отборе слова с единственно адекватным оттенком - все строится в этой поэзии ощущений на одной-двух антитезах или сравнениях, с более или менее подходящими словами.

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ

Откровенная локальность
Мне напоминала пляж,
Где отчетлив и нахален
Мой излюбленный типаж.

"Ах, небо как море"

Собственно, их несколько. Первый - утонченный мальчик-интеллектуал, занятый самоосмыслением, этакий подросток со "звездным билетом". С ним мы знакомы еще по литературе 60-х годов. Юноша-гуманист занят поисками ценностей и идеалов, затемненных рутиной жизни. У Вознесенского этот лирический герой очень много размышляет о Ленине:

Был Лениным - Андрей Рублев...

И, может, на секунду Лениным

Был Лермонтов и Пугачев.

"Я в Пушкинском"

И за то, что он был поэт,

Как когда-то в Пушкина - в Ленина

Был отравленный пистолет!

"Лонжюмо"

и наконец:

В Ульянова вселился Ленин,

Так, что пиджак трещал по швам!

Он диктовал его декреты.
Ульянов был его техредом.

.....
Когда он хаживал с ружьишком,
Он не был Лениным тогда.

"Я в Шушенском"

Узнаешь ли, читатель, перепевы знаменитых глав поэмы "В.И. Ленин" Маяковского об ожидании Ленина в мировой истории и об Ульянове-Ленине?

Новые истины, открывшиеся пытливому юноше, оказались заемными. Но кое-что в этой лениниане, действительно, выдает руку нашего мастера. Он по-прежнему не в ладах со словом, и слово мстит за себя. "В Ульянова вселился Ленин, так, что пиджак трещал по швам". Выражение "вселиться в кого-то" относится в русском языке к черту, нечистой силе. А сам могучий образ с пиджаком откровенно пародиен. Ораторская мощь обращается на самые неожиданные предметы и довольно часто невпопад:

Врут, что Ленин был в эмиграции!
/Кто вне родины — эмигрант/.

"Лонжюмо"

Но про это, кажется, не врут — был в эмиграции, право, был. А "кто вне родины" — это вопрос сложный, тут тонкость есть. Но, не обращая внимания на подобные тонкости, Вознесенский бодро демонстрирует свой сатирический арсенал:

Настоящие эмигранты
пили в Питере под охраной,
.....
эмигрировали в клозеты
с инкрустированными розетками... /9/
В драндулете /?/, как чертик в колбе...
проезжал глава эмиграции —
Царь!

Ленин, вселяющийся в Ульянова, царь, как чертик в колбе, и... все те же клозеты. Фантастическая картина! Опять неуловимым образом напоминающая описание Петрограда в поэме "В.И. Ленин". Отметим и то, что говоря о большевиках, Маяковский по-своему лиричен, Вознесенский же откровенно впадает в сентиментальность:

Спи, Серго, в васильковой рубашечке,
Ты чему во вне улыбаешься?

Где-то Куйбышев и Менжинский
Так же детски глаза смежили.

"Лонжюмо"

Невольно читается не "глаза", а "глазки".

На мой взгляд, "Лонжюмо" — независимо от воли автора — явилась пародией на лениниану Маяковского. В "лениниане" Вознесенского множество передержек, бестактности, пафоса не к месту. И когда он восклицает: "Уберите Ленина с денег!" — думаешь: "Пере-~~жив~~ старался".

Но идет время и интеллектуальный лирический герой Андрея Вознесенского претерпевает эволюцию, чутко реагируя на новые веянья, зная толк в "товарности и спросе":

Есть русская интеллигенция.

Вы думали — нет? Есть!

Не масса индифферентная,

А совесть страны и честь.

"Есть русская интеллигенция"

Эта интеллигенция оглядывается на прошлое, культурную и религиозную традицию родины. Наш герой, согласно моде, посетит брошенные соборы старых городов:

Вода и камень,

Вода и хлеб.

Спят вверх ногами

Борис и Глеб.

Такая мятная

Вода с утра —

Вкус богоматери

И серебра!

"Горный монастырь"

Не смущайся читатель, что Борис и Глеб вверх ногами, а Богоматерь пробуют на вкус — поэт приобщается к духовности. А уж как приобщился: прямо или вверх ногами — вопрос другой.

На данном этапе развития лирический герой Вознесенского — христианин. Замелькали молитвы: "Молитва Микеланджело", "Молитва спринтера" и даже "телемолитва". "Анафема", "Соблазн", "Спаситель", "Преображение", "Грех", "Нечистая сила", "Месса-04" — названия стихов. Поэт смело берется за самые заветные, заповедные для верующего темы. Свои новые ощущения он осмысливает не менее необыкновенно, чем прежде. Вот стихотворение "Спаситель":

Когда устали в небесах скитаться,
И ноги от полета затекли,
нас принял согласившийся по рации
аэродром нег^ада^нной земли.
И приближаясь к нам из благодати,
Указывая круг, где надо сесть,
сигнальщик, как ожившее ~~рас~~пятие,
махал руками и не мог взлететь.

Религиозная лексика /Спаситель, благодать, распятие/ пригодилась для незамысловатого сравнения, в основе которого каламбур: Спаситель-спаситель. Сравнивая утку с утюгом, почему бы при освоении нового смыслового ряда не сравнить Христа с сигнальщиком? И распятие ассоциируется просто с жестом разведения рук; а "махал руками и не мог взлететь" — вероятно, с Вознесением? А стихотворение о женском вытрезвителе названо "Преображение".

Мы уже говорили о восприятии природы А.Вознесенским как об агрессии технократического сознания против живого мира. Экспансия современным обывателем сф^еры культурной, религиозной, духовной жизни — так можно оценить "поиски" Вознесенского. Опошляются высочайшие проявления и откровения нашего мира — и не по злобе, нет, скорее даже с любовью, но с полным отсутствием нравственного чутья и такта. Когда он молит о здравии своем и близких, помнит отца, он искренен, потому что действительно страшно и ~~ед~~и одиноко в мире без надежды:

Я памятник отцу, Андрею Николаевичу.
Я лоб его ношу, и жребием своим
Вмещаю ипостась, что не досталась кладбищу —
Отец-Дух-Сын.

"Памятник"

И даже кощунственное "Отец-Дух-Сын" как-то сходит.

Современный человек обращается к Богу. Если в нем есть простота, смирение и надежда, пусть лишь жа~~ж~~ада веры, он не ошибается внутренне и не допустит хулы. Естественно войдет он в иерархию религиозного мира. Иные же приступают к этому порогу с самоволием и тщеславием, требуют чудес и немедленно кощунственно ~~ху~~ судят о таинствах. "Мы верили всегда во что прикажут, в Тебя — не приказали, так изволь измениться по нашей прихоти и мы, может, поверим в Тебя". Это мнимо — и мимо — верующие. Жалок обез~~бо~~женный человек, обожествляющий придуманное свое подобие и дик-

тующий условия. Отвратителен в чванном богохульстве:

Слушая рождественские звонны,
думаешь, я радостна была?
О любви моей незарожденной

Надругались. А о бабе позабыли.
В честь греха в церквах горят светильники.
Плоть не против Духа, ибо дух —
то, что возникает между двух.
Тело отпусти на покаяние!
Мои церкви в тыщи киловатт
загашу за счастье окаянное
губы в табаке поцеловать.

"Авось"

Этот "монолог" Богоматери назван к тому же "Молитва Богоматери-Резанову"!

Вознесенскому присуща любовь к мелодраматическим эффектам. Оказывается, трагедия Марии в том, что над ней "надругались" и совершили грех, ибо она не насладились плотью, в частности, не случилось "губы в табаке поцеловать". А дух — это то, что возникает между двух! Кошмар какой-то. Невольно вспоминается Тютчев:

О, если бы живые крылья
Души, парящей над толпой,
Ее спасали от насилья
Бессмертной пошлости людской!

Процитированные соображения о непорочном зачатии и Воплощении Христа — составляющая "религиозных" представлений Андрея Вознесенского:

Как нища ты, людская вселенная,
в боги выбравшая свои
плод искусственного осеменения,
дитя духа и нелюби.
Нелюбовь в ваших сводах законочных.
Где ж исток?
Губернаторская дочь, Конца,
рада я, что твой сын издох!

"Авось!"

Чего в этом больше — пошлости или подлости? Я не верю в "обраще-

ние" Вознесенского, не верю его "религиозным" стихам. Это очередная спекуляция модной, "ходовой" темой. Ничему не уберечься от пытливого юнца, все в мире подгоняющего по своему росту.

"Звездный билет", между тем, окажется с выигрышем: мир кинозвезд, сенаторов, модных поэтов и суперменов примет нашего героя:

Все в ажуре — дела и личное.

И удача с тобой всегда.

Тебе в кухне готовит яичницу

золотая кинозвезда.

"Что ты ищешь, поэт, в кочевье?"

"Билет" станет квитком в капстраны и талоном в распределители. Вознесенский напишет полтора десятка стихов о своем автомобиле, будет декламировать в Эрмитаже. И тиражировать панибратские записочки премьершам:

Я не приеду к тебе на премьеру —
видеть, как пристальная толпа,
словно брезгливый портной на примерке,
вертит тебя, раздевает тебя...

.....

ну, а потом в вашей плюшевой мебели
много клопов.

.....

Я ненавижу в тебе актрису.

Чтоб ты прикрылась, корзину пришло.

"Открытка"

И игриво, и с позицией. Заметь, читатель, издаются надписи на открытках, поздравлениях к именинам, "шутливые наброски", надписи и рецензий:

Рецензию на Ваши "Три травы"
Мне заказал отдел "Литературки".
Не теоретик я, увы,
Но от статьи не ретируюсь.

"Рецензия на сб. В. Бокова"

Милый Виктор Федорович,
Выйди, Свитер Фертович,
Винтичек Отверткович,

.....

Вытегра Осетрович,
Акварель Осетрович,

Скворка ѿбьить в ѿорткович

и т.д.

"Величальная открытка В.Бокову"

Мы пришли на именины,
поэмины, поэмины
/мамы-рифмы, папы-мины,
получилось поэмины./

"Песенка из спектакля"

"Каравай, каравай!" – подхватим мы. Сви величания поэт называет пышно. Мы приводили "стансы" Любимову, а вот "гекзаметр":

Сокололетний Василий!
Сирий джинсовый, художник в полете и в силе,
ржавой подковой

твой рот подковали усищи, Василий..
Бросил ты пить. Ты не выпил шампанского ванну...

.....
Тело мое, пробегаю по ЦДЛ-у,
так просвистит своему мимолетному телу:
"Ваш палец, Вас. Палец! Сидите красиво!"
О, венценосное имя – Василий!

"Гекзаметры другу"

Радостно, конечно, что Василий бросил пить, но зачем подобного рода опусы распечатывать тиражом 130000 экземпляров?

Необычны и жанровые обозначения Вознесенского: гекзаметры без гексаметра, стансы, оды и элегии без малейших признаков жанра, "изопы" и "сколы". И, пожалуй, тут можно было бы признать его новатором, если бы не вспоминались опыты Игоря Северянина: его "поэзы", "поэметты", "интуитты", "героизмы" и "интимы". И ~~их~~ его величания::

Я хочу, чтобы знала Россия,
Как тебя, мой "Перунчик", люблю.

"Перунчик"

Подобного рода произведения, может, и стоит вносить в книжечку /но в записную, на случай спича на следующих именинах/, а не засорять ими страницы книги? И вот что дивно: Северянин был волен в отборе стихов, а "интимы" Вознесенского проходят через руки бесчисленных цензоров и редакторов и – ничего, распечатываются огромными тиражами, повторяются из сборника в сборник. Может, в современной русской литературе нет больше поэтов, и полторы оборванные строчки Вознесенского призваны хоть как-то заполнить ва-

куум? Нет, читателю неизвестны десятки замечательных поэтических поэтических имен, не изданы, да при современном положении издательского дела еще десятилетия не будут изданы многие — и многие хорошие книги стихов. Но как сказочно добры и снисходительны людоеды от книгопечатания к нашему автору! "Вот загадка тебе, хитрый Д Эдип, разреши!"

Но оставим парадного, блистательно преуспевшего "звездного мальчика" и обратимся к другому герою. Он куда демократичнее, этот средний городской обыватель, современный мещанин, полуобразованный, косноязычный и добродетельный. Он любит сочинять на досуге. Например, сатиру на соседа:

Живет у нас сосед Букашкин,
Бухгалтер цвета промокашки...

"Антимиры"

Бытовые невзгоды развивают в умах склонность к обобщениям, и стихи о Букашкине названы "иронико-философское". Сосед — полное ничтожество, а вот — его антипод, личность значительная, живущая "настоящей" жизнью:

Вселенной правит, возлежит
Антибукашкин, академик,
И щупает Лоллобриджит.

"Антимиры"

Кроме ~~с~~беда, донимают вечные холпоты по службе. Конкуренты и соседи по литературе не дают покоя. Их приходится клеймить в каждой книге. Помимо прочих необаятельных качеств, они еще и крадут:

Графоманы Москвы,
Меня судите строго,
Но крадете мои
Несуразные строки.

"Графоманы Москвы..."

Требуется ~~д~~этих графоманов публично, печатно одергивать. Как много в книгах Вознесенского такого рода "литературной борьбы"!

Но в общем, наш герой, если его не сердить, человек добродушный, приятный и чувствительный. Это он сравнивает лисью морду /"мордочку лисички", как он выражается/ с "вечным пером" и начинает стихи с детски-простодушного:

Мне лаяла собачка белая...

"Вторые рощи"

Это его мир загроможден приметами и предметами городского оби-

хода до такой степени, что вещь становится критерием ценностей
даже духовных, даже судьей в "вечных" спорах:

В чем великие джинсы повинны?
В вечном споре низов и верхов —
тела нижняя половина
торжествует над ложью умов.

"Ода одежде"

И вся культура тоже подгоняется под статью "тела нижней половины":
Джинсы, сшитые из Врубеля,
подарю после себя.

"Российские селф-мейд-мены"

Стихи о женщинах полны уменьшительно-ласкательности и умиления:

Твоя чел~~овичка~~ лондатоновая...
Женщина в стрижечке светло-ореховой...

"Рано"

У нее такие газовые
под глазами синячки...

"Нью-Йоркская птица"

улыбочка, как трещинка,
играет на губах.

"Свадьба"

фиалочка с филфака
болонью запахнет...

"Фиалочка с филфака..."

как Собор Парижской Богоматери,
безрукавочка твоя!

"Как всегда перед дорогой..."

Тема "бьют женщину" сменяется стихами "Бьет женщина". Драма за-
мещается фарсом. "Она" "пуляет мороженым" в мужчин и думает:

Трусишки, нету сил —
меня бы кто хотя бы отлупил!!

Иногда поэт позволяет себе игривые вольности:

Как в Гуме отмеряют ситец,
с плеча откинется рука,
стрела задышит, не насытась,
как продолжение соска.

.....

Шахуй, оторва белокурая!
И я сважу:

"У, олимпийка!" И подумаю:

"Как сжались ямочки в тазу!" *)

"Стрела в стене"

~~Сравните у Северянина:~~

~~"Я встретил у парка вчера амазонку"~~

Ох уж эти Амуровы стрелы!

Любовные стихи вроде цитированных напоминают песню Смердякова:

Царская корона -
Была бы моя милая здорова.
Господи, помилуй
Ее и меня.
Сколько ни стараться,
Стану удаляться,
Жизнью наслаждаться
И в столице жить!
Не буду тужить.
Совсем не буду тужить .
Совсем даже не намерен тужить!

Но больше всего любит наш герой необыкновенные истории. Я их тоже люблю, да и ты, проввещенный читатель, нет-нет и приклонишь к ним слух. Кто не слышал, скажем, как одна змея полюбила пограничника? У кого не было знакомого, знакомому которого предлагали на воспитание тигренка? Но больше всего распространен жанр: "А вот еще был случай..." Сколько жутких и трогательных историй, обычно любовных, переходит из уст в уста! Старушки на лавочках у городских домов знают их тысячи, и мы, подсев, усмехаемся свысока и иронически, ооднако, слушаем их, слушаем и не уйдем, не узнав конца! А дома с той же усмешечкой передадим ближним. А они, покрутив головой: "Господи, чушь какая!" - перескажут знакомым. Но не обязательно подсаживаться к старушкам, читатель - в наших руках книги Вознесенского!

Перескажем несколько сюжетов. Одна горбунья полюбила красавца-гастролера:

Переписка их, свято-нага,
Вслух читалась на почте.
Завизжала и прогнала,
Когда он к ней вернулся пошло...

"Красота"

*) Сравните у Северянина:

248.

"Я встретил у парка вчера амазонку
(прод. см. с. 249)

*) Под звуки бравурной раздольной мазурки.
"Как кукольны формы у синей фигурки!" —
Наглея восторгом, сказал я вдогонку.
Она обернулась, она посмотрела,
Слегка улыбнулась, радетая взором,
Хлыстом помахала лукавым узором,
Мне в сердце вонзила дремучие стрелы.

У матери и дочери общий любовник:

Я — его первая женщина, вернулся до ласки охоч,
дочь.
Он — мой первый мужчина, вчера я боялась сказать,
Мать.

В этом стихотворении все кончилось жуткой драмой:

Доченька. Сволочь! Мне больше не дочь,
прочь!

Это о смерти его телеграмма,

мама!

"Две песни про мотогонщика"

Жена сына — любовница отца:

Он шубу справил ей в ту весну.
Он сына сплавил на Кольму.

.....

А утром он в чайной подсядет ко мне,
дыша перегаром, как листья в окне,
и скажет мне: "Что ж я? Художник, утешь.
Мне страшно, художник!.. Я сыну — отец..."
И слезы стоят, как стакан первача,
В неистов-синих глазах снохача.

"Сентябрь"

А вот еще был случай: одной женщине отрезало голову лифтом, а было это следствием несчастной любви. /См. "Эскиз поэмы"/. Попадают истории и вовсе дикие: летчик совокушляется с барышней под яблоней, и "на яблоню выплеснул свою чистую кровь", а ябло-—ня забеременела. Теперь она "врыта в почву по пояс, смертельно орет и зовет удаляющийся самолет"! /"Баллад-яблоня"/. Вот какие, оказывается, на свете дела творятся!

Соответственно тематике основной, наиболее продуктивный жанр в поэзии Андрея Вознесенского — "жестокий романс". Он представлен очень полно, во всем спектре, начиная от алухтинских интонаций:

Да, васильки, васильки.
Много мелькало их в поле.
Помнишь, до самой реки
Мы их собирали для Оли...

/сравните у Вознесенского:

Она так их любила, эти желтые одуванчики.
И не выдержит мама, когда застучит молоток...

"Похороны цветов"/
и до "городского" романа с "жестокими страстями": "Уездная хроника", "Латышский эскиз", "Монолог Мэрлин Монро", "Шаффер" и т.д.

Вот как изъясняются герои стихов: /диалог составлен из строк различных стихотворений автором статьи/:

Она: Милый моряк, мой супруг незаконный!
Я умоляю тебя и клянусь —
сколько угодно целуй незнакомок.
Всех полюби. Но не надо одну.

"Песня" ж

Он: И за это твоя дальнотойная ненависть
Меня сбросила со скалы...

"Жизнь"

Она: И в твоей стране, и в моей стране
До рассвета спят — не спина к спине...

"Испанская песня графа Резанова"

Он: Знай свое место, красивая рвань,
Хиппи протеста!
В двери чуланные барабань.
Знай свое место.

"Знай свое место"

Диалог "Красивой рвани" и "незаконного супруга" переливается из стиха в стих. С ними случается всякое: ее могут убить молотком из-за валюты /"Уездная хроника"/ или прищемить в лифте, он оплакивает свою жизнь, пролетая из Рима в Константинополь, или "открывает русскую поэзию Канаде", но, в сущности, они сатиричны и в темах, и в интонации.

Мы заговорили о "жестоким романсе". Пора явиться на сцену третьему лирическому герою. Он захватывает из книги в книгу все большую территорию. В сборнике "Соблазн" он — полноправный хозяин. Начнем знакомство с ним со стихотворения "За тобою прожженные

ж Ср. у И. Северянина: Я доверьем твоим не играю, Мой порыв, дорогая, глубок. Глубок, я тебе доверяю. Научи меня жить, голубок!

годы". Герой прощается с любимой некогда женщиной:

За тобой прожженные годы,
за тобой оскверненный словарь,
я с тебя, как срывают погоны,
свои четверостишья сорвал.

Что ж, это суд чести. Она оказалась недостойной знаков отличия — стихов. Но этого влюбленному, оскорбленному в лучших чувствах, кажется маловато:

Я лишаю тебя гражданства,
и как серьги — толкая взашей —
все слова, что ты мной награждалась,
вырву с мочками из ушей!

поразительное в русской литературе лирическое откровение! "Серьги с мочками вырвать из ушей" и толчками взашей женщину выбросить. Где Вы, автор стихов "Бьют женщину"?

Я сдираю с тебя песнопенья.

Убирайся, какая пришла!

читается не "песнопенья" /до песен ли?/, а полшубок, дубленку. Дико читать эти признания. За чувствительным мальчиком и добродетельным буржуа таится еще один человек — с культом насилия, жестокости.. У него свой мир и круг интересов, этот мир мы называем блатным, уголовным, миром подонков. "Приблатненная" лексика, жаргонизмы всякого рода — существенная составная словаря поэта. "Городской романс" гармонически переходит в "блатную" песню. /Спасибо деятелям молодой советской культуры — они "озвучили" экзотический мир Нинок и "фенок", любовно рифмовали "половничек — уголовничек", живописали романтические думы "паханов" и просто хулиганов/.

"Мальчики с фенками и девочки с фиксами" мелькнули в ранних стихах "А. Вознесенского. Но тогда поэт тщательно оговаривал, что несмотря на это, вопреки этому, они не так уж дурны, могут почувствовать стихи, прекрасное /"Последняя электричка"/. Ныне герою Вознесенского моральные оговорки не требуются:

Ну, что ты стесняешься
пошлого танго,
как лабух стесняется
божьего дара.

"Ну что ты стесняешься..."

И прошедшая юность представляется поэту не такой, как в первых

книгах: овеянной романтикой строек и студенческих костров – а во всей красе блатной романтики /как в стихотворении "Шипок", посвященном Андрею Тарковскому/:

Блатные москворецкие дворы...

.....

не только за кепарь благодарю
московскую дворовую закваску,
что вырезав на тополе "люблю",
мне кожу полоснула безопаской.
Благодарю за сказочный словарь
Не Оксфорда, не Массачусетса –
когда при лунном ужасе главарь
на танцы шел со вшитой жемчужиной.

Заметьте, как много в тематике Вознесенского, в жизни его героев драк, жестокостей, оскорблений и убийств! Всего того, что мы считаем принадлежностью "бульварной" литературы. И в этом аду существует и царит сомнительного толка супермен, по-свойски разбирающийся с "красивой рванью", питающий слабость к сентиментальным историям и воспоминаниям, по-блатному пришепетывающий. Образ вполне цельный. Жутковатая, с "чернухой" жизнь проступает сквозь звонкие строки поэта.

Навязчива тема "прирезать, полоснуть бритвой":

Я куплю билет на поезд,
В фотографию вольюсь
и спрячу бритву в пояс.

"Двоюродная жена"

...но не дождутся, чтобы где-то
во мне зарезали театр,
а в вас угробили поэта.

"Стансы"

В Воздух яблоком пахнет, но яблоком с бритвами.
На губах перерезанный бритвою крик.

"Яблоки с бритвами"

Маниакальной идеей она становится в раздумьях об ученике, преемнике. Тема "ученика" в нашей памяти связана с дружбой Пушкина и Жуковского, циклом Цветаевой, обращением русских писателей к именам Пушкина и Гоголя. Благородство и уважение – неотъемлемая черта этих отношений. Вознесенский дважды обращается к теме пре-

емника в поэзии.

Не славы и не коровы,
не шаткой короны земной,
пошли мне, господь, второго,
чтоб вытянул петъ со мной!

"Песня акына"

Что же он завещает своему ученику, "второму", "адъютанту", как он выражается?

...как обкуренную трубку,
не ревнуя, не скорбя,
джинсы, сшитые из Врубеля,
подарю после себя.

"Российские селѣ-мейд-мены"

Замечательный дар! Эти штаны из Врубеля представляются, очевидно, значком индивидуальности поэта по ассоциации с желтой кофтой Маяковского. Кроме джинсов, передается последняя воля, завещание мастера:

Не ослушайся приказа:
тело может сбить с лыжни.
Уходя, как ключ, два раза
во мне ~~ножик~~ поверни.

"Российские селѣ-мейд-мены"

И ~~пу~~хсть мой напарник певчий,
забыв, что мы ~~сли~~а вдвоем,
меня, побледнев от соперничества,
прирежет за общим столом.

"Песня акына"

Двух поэтов, вроде Андрея Вознесенского, видно, земля не держит! Мораль стихов об ~~о~~ "ученике" повторяет законы обезьяннего стада или блатного паханства. Преемнику, в свою очередь, наш автор желает:

пошли ему, бог, второго –
такого, как я и он.

"Песня акына"

Интересная картина! Пушкин по этой методе должен был прирезать Жуковского, Лермонтов – Пушкина, наш поэт – Маяковского, выбранного в учителя. Что, если рассудить, своим творчеством он по мере сил и делает.

III. СТАРУШКА ИЗЕРГИЛЬ

Студента "вынесли" с экзамена за то, что горьковский рассказ он назвал "Старушка Изергиль". Экзаменатор усмотрел в этом нововведении неуважение к культурному наследию. Я вспомнила об этой анекдотической истории, читая стихотворение Андрея Вознесенского "Грех":

Но было б для Прометея
великим грехом — не красть,
и было б грехом смертельным
для Аннушки Керн — не пасть.

"Аннушка" Керн — родня "старушке" Изергиль".

Анну Петровну Керн в письмах Пушкин называет Анетой. Ей посвящены знаменитые стихи, известны и иронические замечания Пушкина о ней. В стихах и письмах, в отношении к А.П.Керн совмещалось высокое и "низкое", глубокое чувство и, согласно канону, восходящему к 18 столетию, светский цинизм. Одним словом, многое было, но сентиментальной пошлости, умилительного выбалтывания чужих тайн не было.

Не таков наш поэт. Ударяя по струнам смердяковской гитары, он продолжает широковещательный романс:

Ах, как она совершила
его на глазах у всех —
Россию заморозивший
бессмертный грех!

"Надо же, на глазах у всех! Чего на свете не бывает," — думаем мы, и немедленно вспоминается вереница удивительных историй, рассказанных Вознесенским. Да, это опять он, любитель жанра "а вот еще был случай", только теперь его внимание привлек Пушкин.

Конец стихотворения "Грех", по всей вероятности, заключает некую важную мысль о судьбе поэта. Какую, правда, совершенно неясно:

А гениальный грешник
пред будущим грешен был
не тем, что любил черешни, /?/
был грешен, что не убил.

теряюсь в догадках: Пушкин грешен, что не убил Дантеса? Но причем тут черешни? Может, это о героях "Выстрела"? Или Пушкин гре-

шен~~н~~, что не убил предшественника в литературе, по рецепту Вознесенского? Гадай и ты, читатель.

"Пушкиниана" Вознесенского не уступает в оригинальности его "лениниана". Она в ступке, в гиперболизированном виде отражает состояние нашего популярного "литературоведения", то бишь занимательного чтения из истории литературы. Все любовные приключения, бывшие и вымышленные, бесцеремонно вытаскиваются на общее обозрение:

Родной, прошло осмнадцать лет,
у нашей дочери – роман.
Сожги мой почерк и пакет.
С нами любовь.

На этот раз героиня – графиня Е.Воронцова. Насколько мне известно, эта душеспасительная история не канонизирована даже в нашем "занимательном пушкиноведении". И поэту приходится ссылаться на "недавнюю догадку Л.Кондрашенко" /!/" Материалец совсем свежий.

Почти каждый поэт возвращается к имени и легенде о Пушкине. "Легенда" Вознесенского сродни убогому наследию средней школы: ни гения, ни свободы духа, а – для училки: "Чувства добрые я лирой пробуждал", для самого же подростка – "Пушкин – ножки, Пушкин-Керн":

Через несколько минут,
Как жемчужную рабыню,
ножку Пушкина возьмут.

"Римская распродажа"

Эта курьезная оговорка, эта "ножка Пушкина" преследует нас в стихах А.Вознесенского о русском духовном наследии. Так же, как за Маяковским, поспешает он уверенно за прочими классиками. Например, стихи на тему, известную в школе под кодом "О назначении поэта и поэзии":

Рылеев: "Я не поэт, я гражданин."
Некрасов: "Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан!"
Вознесенский: Можно и не быть поэтом,
но нельзя терпеть, пойми!..

/ "Чего же?" – затаив дыхание, промыслит читатель./
А вот чего:

как кричит полоска света,

прищемленного дверьми.

"Можно и не быть поэтом"

Как умеют найти предмет для сострадания и гражданского пафоса наши прогрессивные писатели! Кто пишет элегии по поводу насморка, кто оды и сатиры на соседей по Переделкину. И Россия читает их, сострадая и любя своих поэтов, своих духовных вожатых...

Лукавые пастыри душ! Вы изначально запретили себе думать о "нежелательном", это мешало бы карьере, и природа мстит вам слабоумием и мелочностью помыслов. Когда Вознесенский пытается заговорить о более общественно-значимых, чем "прищемленная полоска", вещах //предварительно, конечно" замаскировав тему названием "Гамбург-ретро"/, получается следующее стихотворение:

Стилем "ретро" сменяется "порно".

Полно,

Воланд, срежьте со шляпы воланы,

поешьте лагерную баланду.

Эта хамски-повелительная нотация персонажу замечательной книги, естественно, так или иначе распространяющаяся и на творца образов Воланда и Мастера, режет слух. Хочется ответить автору: "Поешьте-ка Вы сперва сами этой баланды, тогда у Вас будет хоть какое-то право советовать это другим". Из трагедии непристойно черпать "ощущение" для жеманных стишков.

Но вернемся к "пушкиниане". В ней то же пристрастие к разбоям и перебранкам, что так часто в лирике Вознесенского выдается за наличие проблематики:

Когда написал он Вяземскому

с искренностью пугавшей:

"Поэзия выше нравственности",

читается — "выше вашей"!

"Когда написал он Вяземскому"

Но это, мне думается, все же читается иначе. В мировоззрении Пушкина прекрасное, "эстетическое" — включает в себе и понятие "нравственного". Поэтому поэзия и выше нравственности, что она в себе нравственность — как необходимое — содержит. А у Вознесенского получается что-то вроде словесной пощечины Пушкина — хорошему поэту и другу Александра Сергеевича — Вяземскому.

Совершенно фатально не повезло Анне Петровне Керн. Я уже упоминала об "Аннушке Керн". Вознесенский в другом стихотворении повествует, как он посетил ее могилу:

За спиною шумит не Калинин, а Тверь.
Мы с тобою стоим над могилой твоей...

Какой же представляется Керн поэту?

Молодая спина, соловьиная речь —
как накидки, поэтов снимавшая с плеч.

Удивительный образ! Как не вспомнить кузнеца Ваакулу, оседлавшего черта и летевшего на его закорках! А вот и загадка для нового Андронникова: кого же еще, кроме Пушкина, Анна Петровна "снимала с плеч"?

Автор обращается к ней с двумя просьбами:

Ты меня на прощанье собой обучи.

Что означает сей игривый пассаж, остается лишь предполагать.

Что-то вроде "собой одари", вероятно. Вторая просьба:

Не забудь только снять с зажиганья ключи...

Это Анне-то Керн — "снять с зажиганья ключи"? Но тотчас выясняется, что это — необходимая предосторожность:

А то впрыгнет в машину, хумчит на лету,
точно дверцу, могильную хлопнув плиту.

Так появляется образ Пушкина. Хорош и Пушкин, нечего сказать! В эксцентричности он же уступает своей возлюбленной, с ее поэтами на плечах:

Я тебя обниму, я ревную к нему,
кто цилиндром черкнул по лицу твоему.

Есенинский герой — "хулиган" решался из цилиндра лишь "золота овса давить кобыле". А сочиненный Вознесенским Пушкин — цилиндром женщине по лицу! Ах, напоминает он вышеописанного лирического героя с "дальнобойной ненавистью" и "фиксой"! Как слово "черкнуть" напоминает о бритвах, финках и прочих знакомых предметах. Знаменательно, что в строчках о Пушкине встречается и языковая неточность: "точно дверцу, могильную хлопнув плиту". Мы говорим: "Хлопнуть дверцей", но — "захлопнуть дверцу".

С той же очаровательной небрежностью упоминает Вознесенский и прочие славные в мировой культуре имена. Скажем, Вийона. Приводим целиком стихотворение "Вийон":

Я желаю, чтоб жили вешне!
Чтоб на виселице в городке
амнистированный повешенный
крутил "солнце" на турнике.

При чем тут имя Вийона и что за милый городок в виселицей? Но желает поэт, чтобы "жили вешне", и не все ли равно по какому поводу! А вот двустихие /и тоже законченное стихотворение/ с именем Рильке. Правда, эти две строчки озаглавлены "Сауна":

Божественно после парилки
в реликтовом озере Рильке!

Нет спора, самочувствие у автора "вешнее", и вспоминается что-нибудь этакое, приятное и культурное... про Рильке, например. Так и видится он, распаренный, ныряющий в озеро с вкусной прибауткой о "Рильке-парилке". Как говорится, в здоровом теле — здоровый дух. Кстати, Вознесенский и эту истину не обошел вниманием:

Дух и тело — чужаки?
Либо-либо?
Уважаю Лужники —
Смесь Олимпий и Олимпа.

"Стадион"

Завершая разговор о стихах А. Вознесенского, связанных с историей культуры, приходится отметить, что они не выходят за рамки школьных представлений или ассоциаций в роде "Вийон-висельник", кажутся часто бестактными и безграмотными. Это — своего рода варварские набеги "бессмертной пошлости людской" на бессмертное духовное наследие.

IV.

Мы остановились на некоторых моментах творчества Андрея Вознесенского. Подведем итоги.

Безусловно, Вознесенский одарен. У него есть первоначальные качества — наблюдательность, чувство звуковой гармонии, чувствительность к явлениям жизни — необходимые поэту. Но, вместе с тем, инфантилизм, неточное слово — постоянные спутники его стихов.

Притязания Вознесенского на продолжение традиции Маяковского или Пастернака не кажутся основательными. Тем не менее существует традиция, к которой он принадлежит.

Обратимся к эпохам, когда русская литература переживала свой расцвет. Совершались открытия, трансформировались или отрицались старые каноны, и читатель не поспевал за этой стиховой революцией. Порой самая суть новооткрытого оставалась затемнен-

ной для большинства современников. И рядом с творцами, полупонятными пророками, появлялись поэт или поэты, использовавшие /в меру сил и потребностей/ новообретенные сокровища. Они низводили их, как теперь говорят, до уровня "массовой культуры", или "товарности". Наиболее талантливые из таких поэтов остались в ~~их~~ истории литературы. Их творчество есть своего рода показатель культурного и морального уровня массового читателя. По таким стихам мы можем представить себе, какие чувства и мысли находили отклик у среднего, демократического читателя — скажем, прежних чиновника или курсистки, нынешних инженера и студента — в ту или иную эпоху. Они — отражение культурного состояния общества.

Я назову два наиболее известных поэтических имени такого рода: в пушкинскую эпоху — Бенедиктов, в начале 20-го века — Северянин. В этой традиции, на мой взгляд, следует рассматривать творчество Вознесенского.

Все три поэта талантливы. И слабости у них общие: инфантилизм лирического "я", эклектика стиля, новаторство, обычно неудачное, стремление к эффектам, зачастую оборачивающееся комическим, неточное слово. И — все невольно "снижают", пародируют высокое в искусстве своих современников. По этому принципу я и объединяю эти ~~имена~~.

Мировоззрение у них, конечно, разное, как разнилось мировоззрение ~~мещанского~~ читателя, их читателя, в те и наше время.

Бенедиктов наиболее гармоничен, почти классичен, его образы и интонации напоминают державинские, тютчевские, а стихи отзываются то тяжелым металлом оды, то сладкозвучием Батюшкова и Пушкина. Слава Богу, какую культуру пародировал! Он тоже "пробуждает чувства добрые", его мир — мир добрых и чувствительных образованных чиновных семей столицы. Язык Бенедиктова представляется вполне рафинированно-литературным, лишь изредка заметен оборотец какого-нибудь Антона Ивановича Кувшинное-Рыло или капитана Лебядкина. Не случайно, поздний Бенедиктов гармонически вписывается в круг "демократической", демократизованной литературы 50-х — 60-х годов. И явственен скромный читатель, из Пушкина любящий "Черную шаль" и чтущий Бенедиктова. Он мил и нам, как память о пристрастиях наших предков. Тем более, что эклектика и безвкусица в творчестве Бенедиктова для нас уже почти незаметны.

Игорь Северянин выступил в литературе лет на 80 позднее. Другая эпоха, изменился и массовый читатель. Эти перемены отра-

жает поэзия Северянина. Рядом с футуризмом и Хлебниковым существует народный эгофутуризм, с "Незнакомкой" Блока — северянинские "незнакомки". "Салонный" декадентский романс занимает видное место в его творчестве. Эклектика Северянина очевидна, безвкусие вопиюще. Его лирический герой полуобразован, высокопарен, эгоистичен — но и наивен, и чувствителен, и добр. Он представляется чем-то вроде чеховского Пети Трофимова, на миг забывшего об "идеях". За нелепым эпатажем героя Северянина нет жестокого хамства, так же как за "жестокими страстями" его героев — жестокости. В лирическом мире Северянина воплотились фантазии гимназистов, начитавшихся приключений, телеграфистов, бредивших I Парижем и герцогинями, скучающих женщин. Эти люди знакомы нам по чеховским рассказам. Творчество Игоря Северянина еще осеняет своим крылом эпоха гуманизма, свет культуры.

Что же доводит до уровня "товарности" Андрей Вознесенский? Думаю, что частью русскую поэзию 20-х — 30-х годов, включавшую зрелого Маяковского, Есенина, Цветаеву, "обернутов", Мандельштама. С другой стороны, пародируется "средняя" советская поэзия — с ее "зариовками", "философскими" размышлениями, репортажами и притчами. А кроме того — и главным образом — устная культура и традиция, которая гораздо обширнее и живучее печатной — с облатной песней, современным "городским" романсом, жаргоном, анекдотом, со своими представлениями о добре и зле, о мире. Чуть причесав и отмыв, заменив кое-как неудобопроизносимое, а следовательно, пародируя, он представляет и ее. И если рассматривать поэзию Андрея Вознесенского как показатель уровня "массовой культуры" современной России, ее массового читателя — становится больно. В свете великой литературы, которой гордилась Россия, популярность поэта Андрея Вознесенского — показатель резкого спада, деградации культурного и морального уровня нынешней читательской аудитории.